

ОТЗЫВ

на диссертационную работу Васехи Марии Владимировны «Русская крестьянка в семье и общественной жизни 1920-х гг. (по материалам юга Западной Сибири)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Трудные судьбы женщин в России издавна волновали передовых людей страны: писателей и поэтов, философов и историков, публицистов. Обращение к 1920-м гг. позволяет не только выявить начальный этап процессов изменения роли женщины в нашей стране, но и, проанализировав их, понять направление развития в течение всего XX века, в частности выявив механизмы их функционирования в конкретном социуме. Анализ гендерных трансформаций в раннем советском обществе позволяет оценить также и современную ситуацию. Диссертация М.В. Васехи посвящена рассмотрению материалов сельского женского населения в Западносибирском регионе.

Представленная на рассмотрение Ученого совета диссертация Марии Владимировны Васехи «Русская крестьянка в семье и общественной жизни 1920-х гг. (по материалам юга Западной Сибири)» посвящена начальному периоду осуществления правительственной программы по изменению судеб веками угнетавшейся «домашней рабы». Эти вопросы рассматриваются на фоне общих процессов, руководимых правительством по построению нового советского общества и «нового быта» населения. Конкретные пути решения «женского вопроса» обсуждались в ходе дискуссий, развернувшихся в советской прессе, и формулировались в постановлениях компартии и правительства. Выбранные автором 1920-е гг. примечательны не только тем, что отражали первые шаги государства по решению «женской» проблемы, но в этот период определялись основные направления дальнейшей работы госучреждений по преобразованию «прошлого», в это же время решался

вопрос о роли и участии народной традиции в процессе предстоящей перестройки общества.

Во введении к диссертации Марии Владимировны Васехи «Русская крестьянка в семье и общественной жизни 1920-х гг. (по материалам юга Западной Сибири)» характеризуются цели и задачи, объект и предмет научная новизна и практическая значимость работы, автор убедительно обосновывает хронологические и территориальные рамки работы, раскрывает методологические основы исследования. Автор обратила внимание, в первую очередь, на степень изученности проблемы «вопросов женщин», дискуссии о которой шли со времен его возникновения. При обсуждении возникали различные подходы и направления, что вылилось в большое число публикаций. Автор диссертации выявила более 150 статей, касающихся только 1920-х гг. Она, применив проблемно-хронологический принцип анализа, выделила 4 периода, в которых отметила специфичность сменявшихся во времени подходов к теме. Столь тщательная проработка литературы позволила Васехе Марии Владимировне весьма четко определить направленность своих научных поисков, как изучение двух наиболее существенных сторон жизни женщин – в семье и в обществе в условиях первых десятилетий строительства советского государства.

Целью исследования автор поставила выявление процессов социального конструирования образа «новой советской женщины» в условиях государственной индоктринации, а также результаты его внедрения в повседневную жизнь и сознание русских крестьянок Западной Сибири. Этот регион в силу исторических причин несколько позднее включился в строительство социалистического государства, что определило задачи диссертации: провести сопоставительный анализ государственной политики по моделированию новой семейной обрядности и бытовавших в 1920-е гг. традиций с учетом этнокультурных и этноконфессиональных особенностей, и выявить особенности моделирования в Западной Сибири новых женских поведенческих паттернов, жизненных стратегий и ценностей. Поставленные

задачи Васеха Мария Владимировна рассматривает на протяжении лишь одного десятилетия, так как в 1930-е гг. начались новые процессы как в области женской политики, так и в других областях жизни, непосредственно повлиявших на общественное и семейное положение женщины. Более того, обозначенное десятилетие проанализировано с большой тщательностью, буквально по годам, с выделением внутри него последовательных периодов.

Исследование Васехи Марии Владимировны основано на широкой, разносторонней и достоверной источниковой базе. Автор изучила и провела анализ анализ ранних советских законодательных актов и декретов, что позволило оценить масштаб государственного участия в трансформациях правового, социального, семейного положения женщин в 1920-х гг. Ею были изучены делопроизводственные документы, хранящиеся в центральных и местных архивах, в том числе фонды Государственного архива Новосибирской области (ГАНО. Ф. 1353, 47, 1, 895 и др.), Государственного архива Томской области (ГАТО. Р-173. Ф. 243, 202), Центрального хранилища архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК), Отдела архива администрации Сузунского района Новосибирской области (архив женотдела), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. М-1) и др.

Важным источником для раскрытия темы формирования образа «новой советской женщины» стали материалы периодической печати, в особенности женской прессы, непосредственным образом оказывавшей воздействие на женское население в 1920-х гг. Автором проанализированы основные федеральные журналы «Делегатка», «Коммунистка», «Крестьянка» и «Работница» позволили очень точно почувствовать изменения и новые директивы партии в «женском вопросе», и отражавшие местную специфику сибирские журналы «Красная сибирячка» и «Сибирская деревня».

Бесспорно, наиболее важны для этнографов материалы непосредственных полевых наблюдений, отражающие реальное положение дел, впервые вводимые автором диссертации – материалы интервью

непосредственных участников исторического процесса – сибиряков, чья молодость пришлась на период 1920-х гг. Данный вид источника позволил автору поставить под сомнение многие «достижения» советской работы по «женскому вопросу». Таким образом, оригинальные данные полевых материалов Марии Владимировны Васехи, а также и полевые материалы Восточнославянского этнографического отряда ИАЭТ СО РАН (выезды 1990 – начало 2000-х гг.) позволили уточнить масштаб вовлеченности сибирских крестьянок в процесс создания «новой советской женщины» и «нового быта» в 1920-х гг. Полевые исследования охватили значительную часть Новосибирской области (Венгеровский, Красноозерский, Кыштовский, Ордынский, Сузунский, Черепановский районы) и Алтайский край (Зональный, Каменский районы).

Именно в широте и разносторонности использованного источникового материала заключается научная новизна данного исследования. Впервые воссозданы механизмы конструирования образа «новой советской женщины» в период 1920-х гг. на конкретном историко-этнографическом материале юга Западной Сибири с привлечением комплекса данных этнографии, демографии, социологии, фольклористики и ряда других дисциплин. Впервые критически проанализировала материалы средств массовой информации изучаемого периода.

К тому же автору удалось установить взаимосвязь между подходами и выводами историков и этнографов относительно семьи и положения женщины в среде русских крестьян 1920-х гг. Так, этнографы-сибиреведы с опорой на данные глубинных интервью относят 1920-е гг. к так называемому «традиционному» периоду существования семьи и гендерных отношений, в то время как историки и демографы, используя официальные опубликованные источники, рассматривают его как период коренной ломки сложившихся семейных отношений. Более того, и что особенно ценно, выявлены различия положения женщин в разных этнокультурных и этноконфессиональных группах в один из существенных переломных моментов отечественной

истории. Тем самым был внесен значительный вклад новых материалов в базу этнографических данных об исторических судьбах сибирячек разных периодов переселения в регион Зауралья.

Основная часть работы включает три главы. В первой главе «Влияние политики советского государства в отношении семьи и женщины в Западной Сибири в 1920-е годы» выделены два периода в истории решения «женского вопроса»: до 1926 г. – периода «экспериментов и дефамелизации», и после 1926 г. в связи с возвратом к «традиционным семейным ценностям». В первый период вводился институт гражданского брака, упрощалась процедура развода и предполагалась определенная правовая защита для женщин. Вторым периодом ознаменовался принятием Кодекса законов о браке, семье и опеке признавал только брак, заключенный в органах загса, который закреплял правовые отношения между супругами. Тем не менее, в 1920-е гг. для большинства сибирского крестьянства была характерна опора на обычно-правовое регулирование, новые же формы были привлекательны для приезжей молодежи.

Отдельные параграфы посвящены инструментам и механизмам, с помощью которых государство пыталось вовлечь сибирячек в общественную работу. Как показала диссертант, в Западной Сибири это наталкивалось на трудности из-за неграмотности населения, нехватки профессиональных кадров и общего сопротивления сибирского крестьянства советским преобразованиям. Местные органы власти Западной Сибири также пытались активизировать процесс. В качестве первоочередных задач они рассматривали мероприятия по вовлечению в состав сельских правлений и ревизионных комиссий. С этой целью организовывались женские собрания, выявлялись и привлекались к постоянной работе наиболее активные крестьянки. Хотя пресса демонстрировала «неуклонный рост» числа женщин в органах управления, в отчетах о работе сельхозкооперации процент участия женщин оставался мизерным: например, в 1927 г. их участие в потребкооперации колебалось от 1% до 3,7%. Привлечение в комсомол также не имело особых

успехов. Автор делает вывод о том, что начинаниям советской власти в 1920-е гг. противодействовали семейные традиции: давление отцов на детей, мужей на жен, и общее недоверие к способностям женщин. В 1920-е гг. даже мужчины-партийцы не понимали важности «женского направления» и красноречиво называли женотделы «крайбабами» и «бабкомами».

В преодоление закоренелого противодействия женскому движению, советская общественность применяла игровые, театрализованные аудио и визуальные формы воздействия. Большие надежды возлагались на Международный женский коммунистический праздник 8 Марта в формировании образа «новой советской женщины», как одного из инструментов вовлечения женщин в общественное пространство. Введенное в советский календарь в 1923 г. празднование охватывало все сельское население и привлекало внимание к «женскому вопросу» и мероприятиям по его решению. Как показало время, этот инструмент реально способствовал развитию активности сельчан.

Важным изменением, над которым работали советские идеологи, была смена ориентиров девушки при выборе брачного партнера. Помимо романтических влечений, в качестве брачного ориентира указывали на комсомольцев, бедняков в противовес зажиточным «кулакам». Однако полевые материалы указывают на то, что в 1920-х гг. предпочитали родниться семьи примерно одного уровня достатка, хотя увеличение в этот период браков «убегом» (часто у неравных в экономическом положении жениха и невесты) свидетельствовало о новых романтических тенденциях в сибирской деревне. Автор находит, что советская пропагандистская машина представляла мир женщин 1920-х годов крайне полярным. На одном полюсе рисовался «мир баб», «темного прошлого» с предрассудками и тяжелой «долей». На другом, соответственно, «новая советская женщина», общественница, активистка, борец и товарищ, руководитель наравне с мужчинами.

В действительности картина складывалась более сложной. Различные практики правительства по преодолению обозначенной полярности

рассмотрены диссертантом во второй главе: кампания по ликвидации неграмотности (среди женщин), политика в области охраны материнства и младенчества и антирелигиозная работа среди женщин. Анализ автором полевых материалов о повседневных сельских буднях, а также и местные статистические материалы ясно показали, что работа правительства в этом направлении упиралось в стойкое противодействие семейного консерватизма. Так, при установке на всеобщее образование, в сибирских школах на 10 мальчиков приходилась 1 девочка. В сознании сибирского крестьянства продолжало жить убеждение о том, что женские рабочие навыки намного важнее, чем грамотность, именно родители часто выступали против желания дочерей обучаться в школе, а взрослые женщины отговаривались загруженностью по хозяйству. Новыми возможностями пользовались лишь единицы крестьянок, прежде всего молодые девушки, заинтересованные в продолжении дальнейшего обучения, в том числе «по партийной линии». Таким образом, немало пожилых женщин 1910 – начала 1920-х гг. рождения в сибирских селах остались неграмотными или малограмотными на всю жизнь.

Было ясно, что для просвещения женщин необходимо разгрузить их от домашних забот. Для решения этой проблемы была создана программа Охраны материнства и младенчества с весьма широким спектром задач: создание сети женских и детских консультаций, а также учреждений общественного воспитания. Сюда же относились родильная помощь, профилактика женских болезней, абортная и противозачаточная помощь, юридическая помощь матери и ребенку, борьба с беспризорностью и пр.

Еще одним препятствием на пути «раскрепощения» – высокой степенью религиозности крестьянства, в особенности женского. Нередко именно по религиозным мотивам девушки отказывались вступать в комсомол. В сибирских деревнях комсомолками становились считанные единицы, однако часто в отчетных документах того времени с сожалением отмечалось, что даже эти комсомолки-коммунистки чаще всего продолжали соблюдать религиозные традиции. Автор делает вывод о том, что, несмотря на активную

антирелигиозную работу с населением, официальная статистика показывала неутешительные цифры религиозной устойчивости сибиряков, но даже наблюдался обратный эффект.

Воздействию новых семейных новаций на старые семейные традиции посвящена Глава 3 диссертации, наиболее насыщенная этнографическими материалами. Для осуществления действенной ментальной революции правительство избрало формы, наиболее понятные сельскому населению: в праздничной и обрядовой традиции подменяли содержание, включали символы «нового быта». В цикле семейной обрядности крестины заменяли октябринами, составляли сценарии гражданских свадеб и похорон. Демонстрировали новую обрядность сельские активисты. Особый акцент делался на «разумности» и «пользе» содержания сельского молодежного досуга. Однако полевые материалы, обследования сибирских селений показали, что в 1920-х гг. традиционный молодежный досуг в виде игрищ и вечеров, а также обычаи выбора брачных партнеров оставались приоритетными. Последние не потеряли своей популярности, в том числе и в среде молодых деревенских комсомольцев. Охотнее откликалась на новые веяния молодежь из среды переселенцев.

В 1920-х гг. обычаи, предшествовавшие браку, в одних этнографических группах продолжали оставаться патриархальными (старообрядцы, многие сибирские старожилы), в других (южнорусские переселенцы, украинцы, белорусы) – включали новации. «Новая обрядность» 1920-х гг. прижилась в основном в партийно-комсомольской среде (а также среди части батраков и сельских маргиналов), большинство селян к этим новациям отнеслись осторожно. На этом существенном выводе следует остановиться, поскольку он подтверждается наблюдениями этнологов более позднего времени. Применительно в 1920-м гг. достаточно сложно проводить полевые исследования, но Марии Владимировне удалось в сибирской глубинке осуществить интервьюирование, использовать мемуарную литературу, применить ретроспективу и в результате получить объемную бытовую картину

жизни русской сибирячки в начале XX века. При этом диссертант рассматривает народ не как единую массу, а выделяя и анализируя группы по историко-этнографическому, конфессиональному, половозрастному и гендерному принципам. Это позволило установить различия в восприятии происходивших перемен. Проведенное исследование показало, что публицистика 1920-х гг. ориентировалась на молодое поколение, т.е. заглядывала в будущее, в то время как этнологи представляют реально бытовавшую картину. Таким образом, диссертант М.В. Васеха в ходе выполнения работы показала себя уже зрелым научным исследователем. Однако диссертация не лишена некоторых недостатков:

1. Излишне растянут библиографический раздел автореферата, что несколько нарушает гармоничность структуры работы.
2. Представляя специфику Западносибирского региона, Мария Владимировна называет некоторые особенности (удаленность от центра, недостаточное финансирование региона, сложный состав населения), но следовало бы при этом провести сравнение с Европейской частью страны и именно с местами прежнего жительства сибиряков.

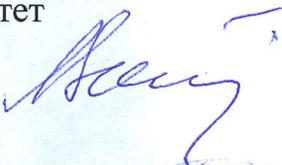
Мои замечания скорее ориентируют работу автора на будущее, и не умаляют достоинств представленной рукописи.

Диссертация Марии Владимировны Васехи является самостоятельным научным исследованием. Автор значительно пополнила базу этнографических данных, относящихся к началу XX века. Представленные сведения об изменении положения сибирячек в 1920-е гг. достоверны, выводы логично аргументированы.

Автореферат адекватно отражает все основные положения и выводы диссертации, которые прошли неоднократную апробацию в публикациях и выступлениях автора. Он подготовлен с соблюдением принятых правил. Диссертационное сочинение М.В. Васехи отвечает современным требованиям исторической науки. Диссертация «Русская крестьянка в семье и

общественной жизни 1920-х гг. (по материалам юга Западной Сибири)» полностью соответствует требованиям пункта 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а автор диссертационной работы – Мария Владимировна Васеха заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Официальный оппонент
доктор исторических наук
заслуженный профессор МГУ
заведующая Учебно-научным
центром прикладной этнологии
при кафедре этнологии Федерального
государственного бюджетного
образовательного учреждения
высшего образования «Московский
государственный университет
имени М.В.Ломоносова»

 Заседателява Лидия Борисовна

25.01.2015 г.

